

Георгий Почепцов

**СССР:
СТРАНА, СОЗДАННАЯ
ПРОПАГАНДОЙ**

Харьков
«Фолио»
2019

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

ВВЕДЕНИЕ

Мы забываем свои прошлые периоды истории, из-за этого вскоре их можно будет изучать почти как Древний Рим. Человеческая память хранит из прошлого только то, что ей подсказывают из настоящего.

Интересно то, что Советский Союз пользовался дворянской и дореволюционной литературой как своей собственной, хотя это была литература свергнутой им эпохи. Точно так же и постсоветское пространство пользуется литературой и искусством советского времени. И только частично все это можно пояснить инерционностью изменений в этой сфере.

Страна является очень сложной системой, которую невозможно описать по одному принципу. Существует множество измерений, руководствуясь которыми, мы каждый раз будем получать новый срез.

СССР: КАК ГЛАЗА ПРОПАГАНДЫ СТАЛИ ГЛАЗАМИ ЧЕЛОВЕКА

Создание СССР было реальной революцией, поскольку поменялась вся система власти, а не только первые лица, как это часто бывает. Как следствие, менялось все — образование, наука, армия, литература и искусство, поскольку на них была возложена задача в кратчайшие сроки создать, обосновать и удерживать новую картину мира. И это не было простой задачей, поскольку были живы люди, которые помнили старую модель мира, и прошли сквозь дореволюционное образование и медиа. Дореволюционные литература и искусство потом были автоматически вписаны в свои, как и естественные науки, а вот гуманитарные типа истории были отвергнуты как буржуазные.

Кино и радио поднимаются в полную силу в советское время, так что именно пропаганда раскрыла их широкие возможности. При этом кино интересно тем, что использует чисто физические характеристики актеров типа красоты и обаятельности для создания близости со зрителем. Наверное, от такой же точки берет свое начало американская идея кинозвезд. Герои должны быть симпатичны зрителю, иначе они не смогут сойти с экрана в жизнь.

В этих лучах пропаганды вырастали новые поколения, видевшие вокруг себя только тот мир, который опирался на пропаганду. Акценты пропаганды стали акцентами массового сознания, поскольку значимым для нашего понимания мира является лишь то, на что обращают наше внимание.

Если модель мира в норме создается столетиями, то в советское время ее следовало создать в самые кратчайшие сроки — 20 лет. Именно это объясняет интенсивность и нужность пропаганды, результатом работы которой стали своеобразные «потемкинские деревни» во всех областях и сферах. В Советском Союзе переписали не только свою историю, но и чужую, например, приписав себе множество изобретений, которые Запад считает своими.

Советская пропаганда оказалась очень сильной, поскольку опиралась на множество своих механизмов. Во-первых, для нее были характерны максимальные объемные повторы, достигаемые как массовым тиражированием, так и переводом нужных мифов и сообщений в мягкие формы — литературу, кино, искусство. Если в школе и институте человек зубрил пропагандистские истины рационального толка, то в случае мягких форм его обволакивали эмоции, представлявшие те же пропагандистские истины «с человеческим лицом». Если в учебнике истории к победе приходили большевики, то в кино побеждал физически привлекательный герой, который тоже оказывался коммунистом. В одном случае это был закон истории, в ином — его реализация на конкретном примере.

Во-вторых, советская пропаганда функционировала в условиях монолога, так как любое контрмнение изгонялось из обращения. Оно не могло транслироваться, поскольку признавалось антисоветским. Сначала были изгнаны носители такого контрмнения — типа Троцкого, которые могли по авторитетности конкурировать с первыми лицами. Но в любом случае это был качественный информационный и виртуальный продукт, находившийся на пике возможного уровня влияния.

Третьим инструментарием пропаганды была роль спецслужб, которые «гасили» любые неправильные информационные потоки, в связке с ними работала и цензура, и добровольное «творчество» масс в виде доносов.

Алексей Рощин, например, говорит о системе доносов: «В принципе СССР была системой, которая очень поощряла до-

носы, в том числе анонимки. Но это — во-первых. А во-вторых, поскольку сама форма управления при советской власти была полностью герметична, и там, в принципе, механизмы обратной связи не существовали по-настоящему, то власть, чтобы примерно представлять себе, что происходит, доносы активных граждан поощряла. На эту тему снимались фильмы и писались книги. В том числе доносы использовались для взаимного контроля среди властей предрежащих — для просеивания аппарата» [1].

Та же ситуация «чужих» глаз была и на уровне первых лиц, которые и сами часто начинают верить тому, что говорила пропаганда вчера или телевизор — сегодня. Дополнительно к этому их взгляды формировали помощники и спичрайтеры, сидевшие в кабинетах поменьше. Чем человек сидит выше, тем более тщательно отобранный поток информации к нему поступает. Его глаза и уши — это глаза и уши его помощников, и других у него нет, поскольку даже ближайшие «соратники» все равно имеют свои интересы, которых не должно быть у помощников, полностью живущих жизнью своего шефа. Советская модель управления знает помощника Сталина во всех сферах Поскребышева или Мехлиса в сфере идеологии.

В своей книге о Мехлисе Юрий Рубцов говорит: «Немало самых пышных эпитетов в адрес вождя прозвучало из уст Мехлиса на апрельском совещании политработников РККА, на XVIII съезде ВКП(б). Сам за себя говорит и пафос его доклада об итогах съезда на собрании партактива Киевского особого военного округа, растиражированного 6 апреля 1939 года «Правдой»: «Сталин — это Ленин сегодня. Сталин — наше знамя. Сталин — победа. Сталин — мировая коммуна. Хай живе рідний Сталін!» В связи с этим особый интерес представляют обстоятельства, при которых появился знаменитый лозунг «За Родину! За Сталина!» В периодической литературе даже возникал спор, существовал ли такой лозунг или клич, шли ли с ним в бой в Великую Отечественную? Как установил О. Ф. Сувениров, Мехлис, начиная с хасанских событий, а затем и во время боев на Халхин-Голе и Карельском пере-

шейке, всеми доступными ему способами добивался, чтобы этот лозунг был главным призывом для политработников, командиров, красноармейцев. Надо ли при этом говорить, что безудержное восхваление «отца народов» и его политики в пропаганде сопровождалось абсолютным замалчиванием колоссальных жертв, принесенных народом на алтарь сталинской деспотии» [2–3].

Многие из пропагандистов были, вероятно, неплохими людьми. Но это было их работой — нести в массы очередной повтор мудрых мыслей вождей. У вождей их было так много, что найти их можно было на все случаи жизни и на все времена года.

Первые лица были окружены сонмом обслуживающего персонала, в том числе идеологического. Михаил Сулов обладал картотекой с цитатами на все варианты развития событий. Именно он пользовался непререкаемым авторитетом у Леонида Брежнева.

У Брежнева такими глазами и ушами, сквозь которые он видел мир, был Андрей Александров-Агентов. Кстати, он опровергает мнение о недалекости Брежнева: «Я никогда не соглашусь с таким грубым упрощением личности Брежнева. Он был самокритичен и в последние годы жизни дважды ставил вопрос о своей отставке, но „стариками“ — Тихонов, Соломенцев, Громыко, Черненко — не допустили этого: больной Брежнев был им удобен. Кроме того, примитивный человек не окружил бы себя столь выдающимися людьми, как лучший организатор производства, творец оборонной мощи СССР Устинов или как Андропов, к которому Брежнев относился теплее всего. Работать с Брежневым мне было легко и приятно. К мнению собеседника он относился с уважением: никогда априори не отвергал чужую точку зрения, позволяя с собой спорить — иногда даже настойчиво и энергично. Как то я не удержался и показал ему понравившуюся цитату из журнала: „Нервный человек не тот, кто кричит на подчиненного, — это просто хам. Нервный человек тот, кто кричит на своего начальника“. Брежнев расхохотался и сказал: „Теперь я понял, почему ты на меня кричишь“» [4].

Но по уровню интеллекта он все же «поднимает» Юрия Андропова: «Он был наиболее интересным партнером. С ним я был довольно хорошо знаком на протяжении тридцати лет и, если возникала потребность с кем-то посоветоваться, проверить на умном человеке свою идею, я звонил Юрию Владимировичу, да и он мне иногда. Кстати, уже будучи Генеральным секретарем ЦК КПСС, он вспоминал: „А помните, как я стажировался в МИДе под вашим руководством?“».

Все это «милые» воспоминания, когда мемуарист обычно раскрывает выгодные для себя детали и подробности, оставляя за порогом неприятное.

Леонид Млечин в своей книге «Брежнев» так раскрывает взаимоотношения Александрова-Агентова с Брежневым: «Можно сказать, что Александров-Агентов во многом сформировал представления Брежнева об окружающем мире. „Однажды в припадке откровенности Александров так и сказал нам, что создал этого человека“, — вспоминала Галина Ерофеева, которая знала брежневского помощника не одно десятилетие. Ее муж, Владимир Иванович Ерофеев, работал с Андреем Михайловичем в Швеции, когда послом была знаменитая Александра Михайловна Коллонтай. „Человеку с солидным университетским образованием, — пишет Галина Ерофеева, — знающему пять языков, любящему поэзию, он увлеченно читал Сашу Черного на вечеринках — иметь повседневно дело с ограниченным, малокультурным боссом, „тыкающим“ его, когда он с собственной женой говорил на „вы“ (по укоренившейся привычке конспирировать их связь в студенческие годы перед родителями жены), было, конечно, не в радость“» [5].

Тяжело, видимо, психологически было этим помощникам, а это с неизбежностью прорывалось в быту. Есть рассказ, что Александр Бовин, когда его позвали к телевизору слушать речь генсека, ответил, что зачем ему слушать то, что он сам написал.

У Млечина есть другой такой рассказ: «Леонид Ильич очень ценил Александра Евгеньевича Бовина, который сочинял ему

речи. Сам Бовин, показывая на многотомное собрание сочинений Брежнева, любил говорить: „Это не его, а мои лозунги повторяет советский народ!“

Но однажды КГБ перехватил письмо Бовина, в котором он жаловался, что вынужден работать «под началом ничтожных людей впустую». Юрий Владимирович Андропов позвал Георгия Аркадьевича Арбатова, дружившего с Бовиным, показал ему письмо. Пояснил: придется показать письмо Леониду Ильичу, а он примет эти слова на свой счет. Арбатов пытался разубедить Андропова — зачем нести письмо генеральному? Отправьте его в архив, и — все...

— А я не уверен, что копия этого письма уже не передана Брежневу, — ответил Андропов. — Ведь КГБ — сложное учреждение, и за председателем тоже присматривают. Найдутся люди, которые доложат Леониду Ильичу, что председатель КГБ утаил нечто, касающееся лично генерального секретаря.

Бовина убрали из аппарата ЦК, сослали в газету «Известия». Правда, через несколько лет Брежнев сменил гнев на милость. Бовина вновь привлекли к написанию речей для генерального секретаря. В порядке компенсации избрали депутатом Верховного Совета РСФСР».

Пропаганда, по сути, формирует мемы, которые должны затем «плыть по волнам нашей памяти» самостоятельно. Поэтому главным мемом была такая легитимация Сталина: «Сталин — это Ленин сегодня». Или послевоенная широко распространенная надпись на домах «Слава КПСС». Она привела даже к анекдоту: «Кто такой Слава Метервели знаю, а кто такой Слава КПСС — нет». Кстати, в Москве даже прошла выставка современных мемов ([6], о мемах с точки зрения современной науки [7–10]). Мемы позволяют «закрывать разрывы» между действительностью и человеком.

Олег Радзинский, сын писателя Эдварда Радзинского, получивший срок за антисоветскую деятельность, подчеркивает, что население не понимало, зачем и почему диссиденты что-то дела-

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
СССР: как глаза пропаганды стали глазами человека	4
От СССР к USSR: как пропаганда строит мир	20
СССР как страна иллюзий	32
СССР: соцреализм как советский нарратив	50
Враги и вредители в структуре советского символического космоса	72
Сталин как главный шаман СССР	92
Сталин как PR-менеджер страны	118
СССР: удержание молодежного духа страны и его разрушение, или Путь от единомыслия к разномыслию	131
Тайный СССР: как ковалось тайное знание	149
Создание советской и постсоветской реальности с помощью контроля коммуникаций	172
Блокираторы «неправильных» мыслей и антиблокираторы «правильных»: как функционировала советская система сверху и снизу	194
Метапропаганда как доминирование пропаганды над идеологией, а не наоборот ..	207
Соцреализм и другие примеры метапропаганды	227
Распад СССР под руководством ... метапропаганды	246
Метапропаганда и пропаганда: сходства и различия	264
Метапропаганда как создатель социальной памяти	276
У войны холодное лицо как раз женское: она должна привлекать, а не отталкивать противника	289
Пропаганда: советская и несоветская	299
Дом, который построил... Сталин	308
Фейки используются не в информационных операциях, а в операциях влияния: от СССР до дня сегодняшнего	325
Механизмы функционирования и разрушения массового сознания в СССР: от использования информационно-виртуальных потоков до психологии приматов ..	359
Информационные «волны-убийцы»: от СССР до наших дней	376
В СССР постправда пришла раньше всех	396
СССР как страна мечты	407
СССР как страна анекдотов	432
СССР постоянно двигался вперед и вперед, пока не исчез	444
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	458